

Прежде Цзян Тинчжоу никогда не пасовал перед трудностями. Он умел стискивать зубы и терпеть, пробивая себе дорогу упрямством и трудом. Но когда всё, ради чего ты годами расширялся в лепёшку, в мгновение ока превращается в пыль, сдадут нервы даже у самого стойкого.

Лихорадка утягивала его в тяжёлый, тревожный сон, где явь мешалась с навязчивыми воспоминаниями. Когда он наконец пришёл в себя, за окном палаты уже вовсю шумело утро следующего дня.

После полусуток забытья в горле пересохло так, что невозможно было вздохнуть. Цзян Тинчжоу попытался позвать на помощь, но из груди вырвался лишь сиплый, едва слышный хрип. Перед глазамиплыли мутные пятна. Вдруг чьи-то заботливые руки осторожно приподняли его за плечи, и к потрескавшимся губам прикоснулся край стакана.

Незнакомка действовала удивительно мягко — не чета тем, кто раньше бесцеремонно заливал ему воду прямо в глотку. Вода оказалась тёплой, идеальной температуры.

Спросонья в голове стоял туман, мысли путались, а реальность ускользала. Сделав несколько жадных глотков и немного придя в себя, Цзян Тинчжоу прошелестел:

— Спасибо... Линь... Секретарь Линь...

— Что вы сказали? — ответил ему незнакомый, звонкий девичий голос. — Я с соседней койки. Подождите секунду, я сейчас позову медсестру.

Цзян Тинчжоу проморгался. Взгляд с трудом сфокусировался на обстановке: облупившаяся краска, тусклый свет — обычная многоместная палата государственной больницы.

Помещение выглядело запущенным, потолок покрывали серые разводы сырости. Да и какой, к чёрту, секретарь Линь? Откуда ему здесь взяться? Те времена остались в прошлой жизни.

С соседней кровати высунулась женщина средних лет в яркой цветастой блузке. У неё было простое, добродушное лицо и зычный, раскатистый голос:

— Парень, ну как ты? Живой? Вчера так брякнулся посреди коридора — мы тут все чуть со страху не померли!

Вчерашний приступ лихорадки у Цзян Тинчжоу переполошил не только медсестёр, но и всю очередь в приёмном покое. Люди дружно бросились на помощь, когда он без чувств рухнул на кафедру.

Бойкая тётушка оказалась одной из тех, кто помогал его поднимать. А воду ему дала её дочь — тихая, круглолицая девушка в очках, ровесница Цзян Тинчжоу. Заметив, что парень мечется в

бреду и просит пить, она тут же налила ему тёплой воды.

Обе женщины отличались редким добросердечием. По воле случая их с тётушкой определили в одну двухместную палату, и, пожалев одинокого больного, соседки не задумываясь пришли на выручку.

Девушка в очках тем временем внимательно приглядывалась к лицу Цзян Тинчжоу.

— А вы мне кого-то напоминаете... — пробормотала она. — Кажется, я вас видела по телевизору. Передача какая-то кулинарная была недавно, да?

— Ой, прекрати свои журналистские штучки, — беззлобно шикнула на неё мать, после чего перевела сочувствующий взгляд на совершенно растерянного Цзян Тинчжоу. — Эх, молодёжь... Заездили вас совсем на этих работах. До ручки себя доводите, пластом лежите, а всё о делах бормочете.

Цзян Тинчжоу молча уставился в потолок, бледный и неподвижный, словно мертвец. Из сочувственных причитаний соседки он наконец восстановил картину вчерашнего дня.

Когда он потерял сознание, у него в кармане разрывался мобильный. Врачи пытались найти хоть кого-то из близких, чтобы подтвердить личность и вызвать сопровождающих, но телефон упрямо звонил от одного и того же абонента.

Видя замешательство медсестры, сидевшая рядом тётушка простодушно выхватила трубку и ответила на вызов. Однако вместо встревоженного родственника на том конце провода раздался яростный ор:

— Цзян Тинчжоу, сука, ты куда делся?! Решил со мной в игры поиграть?! Если ты сегодня сорвёшь банкет, я тебя из-под земли достану! Быстро вернулся на кухню! Если эти гости уйдут недовольными, ты из компании вылетишь со свистом, понял меня?!

Натиск был такой силы, что тётушка сперва приняла звонившего за обнаглевшего коллектора. Лишь позже до неё дошло, что это так неистово бесчинствует начальник парня.

Медсестра попыталась объяснить орущему в трубку мужчине, что пациент без сознания и вряд ли встанет в ближайшие сутки. Но тот лишь грязно выругался и бросил трубку, даже не спросив, жив ли его подчинённый.

— Настоящий живодёр! Человек при смерти, а он только про прибыль орёт! — негодовала тётушка, а потом сердито обернулась к дочери: — Точно как твой старший по смене, такой же упырь. Только и знают, что из молодых соки выжимать. Чтоб они подавились своими планами!

Девушка лишь горько усмехнулась. Видимо, участь офисного раба была ей знакома не

понаслышке, оттого они с матерью так близко к сердцу и приняли беду Цзян Тинчжоу. Общая беда сблизила их, породив искреннее сочувствие к чужому горю.

Выслушав рассказ, Цзян Тинчжоу хрипло поблагодарил соседок. Внутри шевельнулось холодное удовлетворение. Его внезапный уход явно загнал управляющего Яна в глухой угол.

Цзян Тинчжоу редко видел этого скользкого типа в подобном бешенстве. Видимо, когда шеф-повар испарился перед самым началом важного ужина, посадить вип-гостей за пустые столы оказалось задачей невыполнимой. Ян Цзиньхао наверняка метался по ресторану как ошпаренный.

Но даже крах злейшего врага не принёс Цзян Тинчжоу облегчения. Да пусть тот хоть лопнет от злости — какое ему дело?

Он отвернулся к стене. Каждое движение отзывалось тупой болью, а в груди зияла пустота. Окружающий мир казался плоским и серым, лишённым всякого смысла.

Пожилая соседка сразу почуяла неладное — от парня буквально веяло глухой, беспросветной тоской. Чтобы немного расшевелить его, она заговорила снова:

— Послушай, тут к тебе друг приходил. Совсем недавно ушёл. Он тебе ягод да фруктов нарезал, вон в контейнере стоят. Поешь хоть немного, силы нужны.

Слово «друг» заставило Цзян Тинчжоу удивлённо приподнять брови.

Друг? Но у него не осталось никого, кого он мог бы так назвать. Кто вообще мог прийти к нему в больницу? Спросить сил не было — горло саднило немилосердно. Тётушка, заметив его недоумение, добавила, что паренёк выглядел совсем юным, как старшеклассник.

Цзян Тинчжоу скосил глаза на тумбочку. Там действительно красовался пластиковый бокс, доверху наполненный дольками спелого мандарина, кусочками дыни и крупными виноградинами. Всё было нарезано с идеальной, почти ювелирной аккуратностью и снабжено маленькой шпажкой.

Если бы не абсурдный факт перерождения, он бы поклялся, что это работа его верного секретаря Линя. Тот всегда отличался маниакальным вниманием к мелочам.

Сладкий аромат фруктов раздражил аппетит, и пустой желудок отозвался требовательным урчанием. С тех пор как у него поднялась температура, он ни маковой росинки во рту не держал — больше суток без еды давали о себе знать.

Вошедшая в палату медсестра, услышав этот красноречивый звук, улыбнулась. Поправив капельницу, она помогла ему сесть и пододвинула контейнер поближе.

— Вот и отлично, поешьте немного, — мягко скомандовала она. — Организму нужны калории, чтобы бороться с инфекцией.

Цзян Тинчжоу долго разглядывал разноцветные ломтики. Наконец он нехотя подцепил шпажкой сочную дольку мандарина и отправил в рот.

С самой минуты пробуждения в этом юном теле его не покидало ощущение кошмара: раскалённая голова, тупая ломота в костях и невыносимая горечь на языке. Но брызнувший на зубах сок принёс мгновенное облегчение. Это было словно глоток свежего воздуха для утопающего.

Его рецепторы, от природы куда более чувствительные, чем у обычных людей, после долгого голодания обострились до предела. Мандарин оказался невероятно сладким. Тонкая кожица лопнула при первом же нажатии, наполняя рот взрывной волной цитрусовой свежести. Этот яркий, чистый вкус мгновенно прогнал застоявшуюся горечь болезни.

Сжавшийся от голода спазм в желудке понемногу отпустил.

"Надо же, какой сладкий..."

Насыщенный мандариновый аромат словно вернул блёклые краски в унылую реальность Цзян Тинчжоу. В глазах его затеплился слабый огонёк жизни.

Детство, проведённое впроголодь у приёмного отца, навсегда научило его ценить еду. Для Цзян Тинчжоу вкусная пища всегда была лучшим лекарством от душевной боли.

Стоило ему отправить в рот вторую дольку, как дверь палаты с грохотом распахнулась. На пороге возник незванный гость.

Визит вежливости это напоминало меньше всего. Управляющий Ян, вчера исходивший на говно от злости, явился вершить расправу. С хмурым, жёлчным лицом и длинной, нескладной фигурой он походил на ожившего мертвеца. Заметив, что Цзян Тинчжоу сидит на кровати, Ян Цзиньхао ядовито процедил:

— Очухался наконец? Ты хоть понимаешь, какую кашу из-за тебя расхлёбываю?!

Цзян Тинчжоу даже не шелохнулся. Разумеется, этот гад без труда выяснил, куда его увезли на скорой. Народная больница в городе одна, так что визит управляющего был лишь вопросом времени. Впрочем, устраивать сцены в палате Яну никто бы не позволил. Цзян Тинчжоу молча проигнорировал выпад, подцепил очередную дольку и принялся неторопливо жевать.

"Интересно, сейчас вообще сезон мандаринов? Прежде мне такие вкусные не попадались".

Полное равнодушие со стороны обычно покорного подчинённого взбесило Яна ещё сильнее. Он подскочил к кровати и принялся сыпать обвинениями в безответственности, лживости и гнилом характере.

Управляющий привык смотреть на Цзян Тинчжоу сверху вниз, мня себя мудрым наставником. Но правда заключалась в том, что его личный карман напрямую зависел от выручки старого филиала ресторана «Императорский пир». Все эти годы Цзян Тинчжоу пахал там как проклятый, принося заведению миллионы, за счёт которых Ян Цзиньхао получал лопающиеся от нулей премии. Ещё большой вопрос, кто из них кого кормил.

Окажись на больничной койке изнеженный Цзян Ю, этот трусливый шакал в жизни не позволил бы себе открыть рот.

Видя, что его слова уходят в пустоту, Ян Цзиньхао сделал угрожающий шаг вперёд:

— Когда ты возвращаешься? Ты вообще видел, что творится в сети?! Вчера несколько крупных блогеров выложили посты с намёками, что наш ресторан зажрался! Чжао Тунчжи со своей съёмочной группой уезжает завтра. Я едва уломал их дать нам ещё один шанс и прийти сегодня. Если ты сейчас же поднимешь задницу и вернёшься, я так и быть не стану докладывать твоему отцу. Будем считать это досадным недоразумением.

Цзян Тинчжоу проглотил виноградину и отправил в рот кусок ароматной дыни. Она оказалась превосходной — сорт с нежной, тающей во рту мякотью, напоминающей сливочное мороженое. Видно было, что плод выбирали знающие руки. Такую роскошь продают только в дорогих лавках, да и в самом «Императорском пиру» подобные фрукты шли исключительно на элитные десерты. Тот, кто принёс этот гостинец, не пожалел ни денег, ни времени.

Цзян Тинчжоу уже догадывался, чьих рук это дело. Погрузившись в свои мысли, он напрочь игнорировал брызжущего слюной начальника.

— Какое возвращаться?! — вмешалась дежурившая у постели медсестра. — Пациент вчера поступил в критическом состоянии с судорогами! У него температура под сорок градусов, едва жар сбили. Ещё немного, и началось бы воспаление лёгких. Ему нужен строгий постельный режим!

Но зарвавшийся директор привык, что его слово — закон. На какую-то девчонку в белом халате ему было плевать. Смерив её презрительным взглядом, он вновь навис над Цзян Тинчжоу:

— Первый квартал подходит к концу, отчёты на носу! Ты думаешь, я о себе пекусь?! Если дела в старом ресторане пойдут в гору, кто получит повышение, а? Всё это ради твоего же блага, идиот!

Условия соперничества между братьями за пост вице-президента были объявлены перед всем советом директоров Пищевой компании Цзян. Каждая собака в фирме знала об этом раскладе,

и Ян Цзиньхао беззастенчиво пользовался уязвимостью Цзян Тинчжоу, давя на самое больное.

Разумеется, Цзян Тинчжоу сам загнал себя в гроб непосильной работой — это был его осознанный выбор. Но разглагольствовать о том, что он здесь главный бенефициар, было верхом цинизма. Должность вице-президента пока оставалась лишь призрачной морковкой перед носом, без реальных акций и веса в совете директоров. А вот премии управляющего и персонала росли прямо пропорционально выручке здесь и сейчас. Мерзавец просто пытался выехать на его хребте. Самый обыкновенный дешёвый шантаж.

Цзян Тинчжоу тихо хмыкнул и отправил в рот виноградину. Сорт оказался с лёгкой кислинкой, но невероятно ароматным — вкус смутно напоминал дорогие ягоды, которыми его изредка угощали в раннем детстве. Это неожиданное воспоминание вернуло ему толику бодрости. Пожалуй, теперь можно было и побеседовать.

Приподняв руку, он вяло поманил управляющего пальцем. Говорить громко мешало разодранное ангиной горло. Ян Цзиньхао самодовольно ухмыльнулся и послушно наклонился к самому его лицу, ожидая привычных оправданий.

Цзян Тинчжоу прошептал:

— Вернуться? Раскатал губу, старый мерзавец. Можешь хоть на колени передо мной встать — я на одном гектаре с тобой срать не сяду. Ты никто, Ян Цзиньхао. Обычная дешёвая шестёрка.

Управляющий остолбенел. В его голове не укладывалось, что этот тихий, вечно безропотный парень способен на подобную дерзость. Когда до него дошёл смысл сказанного, лицо Яна налилось багровой краской. Все вчерашние унижения, помноженные на неслыханное оскорбление, вмиг вскиптали его кровь. Если сейчас не поставить этого щенка на место, он окончательно отобьётся от рук!

Потеряв контроль над собой, Ян Цзиньхао с размаху заехал ладонью по пластиковому боксу, который Цзян Тинчжоу держал в руках. Контейнер вылетел из пальцев, перевернулся в воздухе, и яркие дольки мандаринов, куски дыни и виноград лавиной хлынули на одеяло и грязный больничный пол.

Медсестра вскрикнула от неожиданности. Но едва фрукты коснулись пола, как Цзян Тинчжоу, словно от сильного толчка, неловко завалился набок и мешком рухнул вслед за ними. Казённая кровать была узкой, и парень с грохотом полетел на кафель. Игла капельницы с корнем вырвалась из вены, штатив угрожающе покачнулся, а стоявшая на тумбочке стеклянная бутылка с физраствором с дребезгом разлетелась об пол. Цзян Тинчжоу скрючился, схватившись за голову, и жалобно застонал.

Медсестра окончательно потеряла самообладание:

— Вы что творите?! Зачем вы толкнули больного?! Вон отсюда, живо! Я вызываю охрану!

Ян Цзиньхао растерянно захлопал глазами. Ярость требовала выхода, и он, наплевав на приличия, заорал на валяющегося парня:

— Хватит цирк устраивать! А ну вставай!

Он рванулся вперёд, намереваясь силой поднять Цзян Тинчжоу, и грубо оттолкнул попытавшуюся преградить ему дорогу медсестру.

Окружённый сверкающим крошевом разбитого стекла, мертвенно-бледный Цзян Тинчжоу безвольно обвис в руках беснующегося начальника. Просторная больничная пижама сползла, обнажив худое плечо и резко очерченные ключицы. Выглядел он в этот момент на редкость незащищённым.

Но соседка по палате оказалась не промах. Едва этот ненормальный ворвался в помещение, она признала в нём вчерашнего телефонного грубияна и незаметно пихнула дочь локтем. Тихоня-дочка сориентировалась мгновенно: поправив очки, она уже пару минут как держала смартфон наготове, снимая происходящее на камеру. Цзян Тинчжоу заметил это ещё в самом начале.

Теперь же, когда парень полетел на пол, скрывать съёмку не имело смысла. Женщина бесцеремонно выставила телефон перед собой, снимая беспредел в упор, и заголосила на всю больницу:

— Убивают! Людей среди бела дня режут! Помогите! Нападение на больного! Да где это видано?! Что за фирма такая живодёрская — больного парня из постели вышвырнули, избивают! Люди добрые, посмотрите на этого ублюдка! Снимайте его, снимайте!

Ян Цзиньхао испуганно обернулся, уткнувшись взглядом прямо в объектив камеры. Шум поднялся такой, что у дверей палаты в мгновение ока выросла толпа зевак. В коридорах Народной больницы всегда было не протолкнуться, и теперь десятки любопытных зрителей дружно доставали телефоны, фиксируя происходящее.

Обстановка напоминала поле боя: разбросанные фрукты, осколки стекла, испуганная медсестра у стены и истощённый больной на полу. Понимая, что дело пахнет керосином, управляющий попытался силой вздёрнуть Цзян Тинчжоу на ноги.

Но в этот момент сквозь толпу у входа вихрем прорвался молодой парень.

— А ну убрал от него руки! — яростно выкрикнул он.

Тот самый «старшеклассник», о котором говорила соседка, снарядом влетел в палату и со всей силы оттолкнул плечом здорового управляющего.

На автомате Ян Цзиньхао замахнулся и толкнул наглеца в ответ. Юноша покачнулся, не удержал равновесие и вместо того, чтобы поднять Цзян Тинчжоу, рухнул прямо на осколки стекла. Острая грань полоснула по ладони, и хлынувшая кровь мгновенно размазалась по белоголубой больничной пижаме Цзян Тинчжоу, оставив жуткие багровые разводы.

Зрелище двоих раненых парней на полу окончательно лишило толпу покоя. Затворы камер защёлкали с удвоенной силой. Наконец в палату ворвались крепкие охранники и с ходу заломили управляющему руки:

— На пол! Живо, лицо в пол!

Привыкший к уважению и комфорту Ян Цзиньхао никогда в жизни не оказывался в столь унижительном положении. На его лбу вздулись вены, лицо перекосило от бессильной ярости.

"Да этот щенок всё подстроил!"

Он ведь едва коснулся его! Цзян Тинчжоу всегда отличался завидным здоровьем, пахал по двадцать часов в сутки без выходных — с чего бы ему вдруг ломаться как тростинка и разыгрывать тут умирающего лебедя? Кто бы мог подумать, что этот послушный, исполнительный дурак окажется настолько расчётливой и скользкой тварью? Где он только набрался этих дешёвых трюков?!

Оправдываться было бесполезно — его никто не слушал.

Подоспевшая охрана намертво прижала его к стене пластиковыми щитами. Плечевой сустав вывернуло так, что в глазах потемнело от боли. Толпа в проходе улюлюкала и сыпала проклятиями, а пара крепких мужиков из очереди уже вовсю закатывали рукава, обещая добавить мерзавцу от себя.

<http://bllate.org/book/19956/1995089>